

Михаил Иосифович Тамарин вспоминает: Историю своей жизни я не рассказывал никому

Михаил Тамарин родился в 1916 г. инженер, скрипач, был дважды арестован, находился в лагерях на Колыме и в ссылке в Красноярском крае.

Арест и следствие

Шестнадцатого апреля тридцать седьмого года, значит, меня пригласили, э-э-э, пригласили Кузнецкий, двадцать четыре. А до этого, понимаете, я дружил с, с, с однокурсниками, вернее, с четвертого курса был такой Саша Брезицкий, еще один товарищ – Миша.

И мы очень дружили, увлекались девушками, делали, устраивали вечеринки, да.

Вот, мне предъявили страшное обвинение, сначала, значит, допрашивали, что мы устраиваем контрреволюционные сборища и якобы готовим террор против партии и правительства, это было настолько неожиданно, что просто даже страшно было.

меня поместили в камеру-одиночку, да, и только слышны были стоны людей из соседних камер. А так была тишина гробовая, а, Пугачевская башня называлась, Пугачевская башня, вот вспомнил, да. И вот в эту же ночь раздался ключ, э-э-э стук ключей, открывается камера, заходит ко мне Петров, бывший начальник тюрьмы, и его два или три сопровождающих, и вручает мне обвинительное заключение.

Обвинительное заключение. Органами главного управления государственной безопасности союза СССР раскрыта студенческая контрреволюционная террористическая бухаринская организация, ставящая своей целью террор против вождей партии правительства”

Это означает арест всех родственников, конфискация имущества и расстрел в двадцать четыре часа. Вот этот закон издали, когда убили Кирова, да, тридцать четвертый год, да. Вот по этому закону, значит, они ушли и дали мне это обвинительное заключение читать. Вы знаете, я читал, и со мной стало плохо, да, на эту самую железную диване, не диване, кровати, там матрасы из сена, я почувствовал, понимаете, лужу под собой. Вы извините, я потерял дар, это самое, регулировать свои органы, мне страшно стало плохо. А утром, рано утром я пришел в себя, мне говорят – “соберитесь с вещами, да, соберитесь с вещами”. Да, да, ну у меня вещи были, только одна, помню, зубная щетка, больше ничего не было, и спустились вниз, вниз. И меня поместили в так называемый конверт, заставили раздеться абсолютно голым, перешерстили все мои брюки, все, одежду, и потом оделись, вывели из этой камеры, поместили, поместили в такую специальную автомашину, клеточка там можно только сидеть, встать и сидеть, да.

Видимо, в этой клет/, в этой машине были несколько клеток, потом я узнал, что, оказывается, в других клетках везли моих товарищей и привезли в Военную Коллегию Верховного суда, которая в Лефортовской тюрьме заседала.

Это длилось недолго, я говорю: “Я перед смертью моя совесть чиста, я ни в чем не виноват, это все выдуманно”, да. “Все?”, -“Все”. Суд удаляется на совещание. Вывели меня опять в коридор, опять в коридор, я стоял, обливался потом от того сознания, в чем меня обвинили, да, да. А потом минуты через, больше часа там, простоял, потом вели обратно, да: дело послать на следствие.

меня привели в камеру, откуда меня взяли, вы знаете, меня не узнали в камере, я был настолько, понимаете, удивлен и не мог прийти в себя, у меня, это самое, я не мог не говорить, ничего. И меня положили, повезли, и я в тюремном госпитале пролежал трое или четверо суток, пока пришел в себя.

Этап на Колыму

Да, товарный поезд – это тюремный поезд такой. И вот нас ночью привезли туда, с собаками, со всем, с охраной, поместили, значит, в вагон товарный. Вот, помню, зашли мы в этот вагон, заняли там эти нары и ждали. И в это время открывается опять вагон, и туда ввели уголовников, и вот уголовники пришли в эту камеру, сбросили нас всех с нар, понимаете, да, да. Но среди нас был один военный, у которого петлицы были подорваны,

этот полковник Позорих знал семь языков, из них два восточных, ну, он был очень интересный собеседник, он рассказывал многие романы, и вот один из романов, ой, я забыл, как называется, он прямо дословно нам читал. Этими романами увлеклись и уголовники, им очень понравилось, настолько понравилось, что они нас вернули на свои места, и мы спали вместе с ними. Вот он всю дорогу, понимаете, рассказывал этот роман наизусть, как будто книжку читал.

Ну а потом, значит, нас перегрузили и привезли, пешком ходили по этому, по Владивостоку на портовый, на на, на пароход, там, там какой-то пароход, да.

и посадили в трюм. Пароход “Кулу” назывался, “Кулу”. Да, вот тот пароход нас доставил до бухты Нагаево, в это самое, в Магадан. И вот ночью нас повез, туда плыли, и ехали мы около трех суток в этом самом, да, из Владивостока, да, почему, потому что мы огибали японские острова, и на этих островах вся охрана переодевалась в гражданское, нам не разрешали выходить на это самое, на палубу. Мы сидели, понимаете, в трюме, железные эти стенки, понимаете, в морозе были, да. Страшно было. И двадцать пятого декабря мы, нас привезли ночью, помню, в Магадан, и нас разгружали. Бухта Нагаево, кажется, да. Вот, и когда разгружали, а мы все были в гражданских в э-э-э одежде своей, мороз был страшный. Это было двадцать пятое декабря, и пока дождались, пока выйдут из этого парохода, многие отморозили, отмораживали носы особенно, уши, ноги, пальцы, кто как, в общем, ужасно.

И в эту же ночь, понимаете, всех нас разбудили, не дали спать. Пурга была, снегом занесены все дороги, и всех заставили взять лопаты и идти расчищать эти дороги, слышите.

Колыма. Прииск имени Берзина 1938-1943 гг.

Вот так я очутился на прииске имени Берзина, был прииск имени Берзина, и вывеска была такая “Прииск имени Берзина”, а потом, понимаете, переименовали на Верхний Ат-Урях, потому что Берзина, оказывается, арестовали. Вот такое, и в этом лагере я пробыл ровно пять лет, ровно пять лет, в основном, понимаете, ходили в ночную смену.

И вот мы там все время ночами работали, заставляли много работать, конечно, причем смена выходила что-то в пять или шесть часов утра и до утра. Причем, конвой менялся, а мы оставались до выполнения норм. Без выполнения норм не выпускали с забоя никого. А инструменты были только одни – кайло, лопата, лом, тачка, и все, вот это наши инструменты были. На тачках подвозили, грузили и там мы принимали, я был приемщиком, вот так вот поработал я, значит, а когда весна, значит, работали, работали в забое, добывали золото, а золото было, золотоносный слой, он всегда был в воде, потому что оттаивали же, вечная мерзлота, и всегда работали в воде.

И причем нормы такие, что пришлось, приходилось всегда оставаться. Если ходили на работу к восьми часам, нас, а будили в пол шестого всегда, то с работы приходили около восьми часов вечера, да. Уже к ужину, понимаете, и уставших по дороге заставляли подбирать, понимаете, это самое, деревянные, там леса не было, а был стланник, от слова “стелется”. Там вечная мерзлота, так что вверх не растут, а по уровню земли, понимаете, такие, стланик назывался. Чтобы оттапливать, понимаете, дом, эти бараки.

Бараки были, это самое, из фанеры и обшиты этим самым, э-э-э, материалом. Вот так, да, внутри фанерные, и бараки накрыты брезентом. В бараке размещалось около ста человек примерно, и две печки, чугунные такие, длинные, и вот все старались, понимаете, руками охватить, понимаете, тепло этих самых чугунных этих плит. Были двухъярусные эти бараки, ужасно, да, около барачников всегда, сделали снежный писсуар такой, причем писсуаром

пользовались, будучи босоногими, потому что мы когда приходили с работы, значит, вещи отбирали в сушилку, значит, валенок, ничего не было. А как пойти в писсуар? В чем ты есть. Вот так мы и жили, понимаете, пользуясь этим писсуаром, да.

А.К. - А много людей тогда умирало в лагере?

М.Т. - Очень много, очень много, каждую ночь люди, каждую ночь. Я помню, до пятнадцати человек доходило даже иногда ночью...Встаешь, и уже лежит больной. Очень много умирало. Знаете, а когда началась война, немножко лучше стали...

А.К. - Стали лучше кормить?

М.Т. - Да, кормить даже, да. Ну беречь стали, потому что пополнения не было.

М.Т. Только, только о гибели и думали, только. Что вернемся – это даже и мысли не могло быть даже. В таких условиях, и такой охраны, и такого отношения. Это ж не человек же ведь, вот, вот бытовики – это люди. А мы, мы – это же обреченные на уничтожение, так прямо и говорили.

А из Колымы удрать, это, конечно, большая проблема, туда добираться только через море, понимаете, потому что сухопутного пути же не было.

Да, понимаете, самое страшное – это то, что все жители там были, что называется, подкуплены, каждому там давали даже награды за поимку беглецов, поэтому редко кому удавалось, в основном погибали от голода.

В лагерной больнице

Да, вот так, ну вот так я поработал до какого-то времени, вдруг мне, понимаете, стало плохо. Я, помню, подошел к столбу, начал, крутится, начал ныть, подошли ко мне, ну потом, значит, я упал, и меня отвезли в этот самый барак, который назывался медпунктом. Понимаете, деревянный такой, понимаете, да, и туда пришел врач. Врач был такой Токмаков Алексей Степанович, да. Очень интересный человек, заключенный, и определил у меня гнойный аппендицит. И в эту же ночь, значит, света не было, он дал указания зажечь свечки, и там стояли эти мужики, санитары, зажгли свечки, и он при свечках, понимаете, сделал операцию, да. Удалил там все, то, что нужно, и положили меня в палату. А в палате, понимаете, полежал я несколько дней, у меня высокая температура поднялась, и он предложил срочно опять на операционный стол, в чем дело было, воспалительный процесс.

и потом опять меня в палату Ночь, когда ночь, приходишь, врач, температура высокая и меня вышвыривают в коридор, мол, все, все равно безнадежный. Вот так два или три раза меня в коридор выбрасывали, а утром опять возвращали, приходят, а у меня сердце работает, меня опять в палату. Вот так, я помню, два или три раза.

Концерт

Значит, я, работая в лагере на общих работах, и кто-то, и кто-то, ну, кому-то рассказал о своих, о том, что я вот скрипкой, кто-то сказал вот этому Борису Никольскому, а он на гитаре хорошо играл. Так он меня нашел, да, и пришел ко мне с гитарой. И когда играл на гитаре, так я ему, понимаете, он играет, а я ему ноты говорю, какие ноты играть, мне, у меня абсолютный слух был, да. Да, он говорит - ну, а где ж достать скрипочку, скрипку, ну, взялся за это дело и достал скрипку. Он называл не скрипку, а скрипочку. Достал, ну, где-то нашел там, понимаете, да, и ему разрешили, и он принес ее в лагерь, понимаете. Ну я посмотрел, спущены струны, Колки были спущены, и волосы сохранились на смычке, вот, я ее привел в порядок и давай играть. И когда я, он дошел до “Вальса” Крейцера я ему это самое, проиграл, понимаете. А их три вальса у Крейцера написаны, так он, понимаете, вспрыгнул от радости, что, понимаете, нашлось. И вот заставил начальство разрешить, чтобы я перед лагерными работниками выступал. И выступали. Я в лагерной форме, понимаете, а он бытовик, понимаете.

Освобождение

Повезли в ссылку. И когда приехали в ссылку, в ссылку в пятьдесят первом году, значит, там предъяви, там уполномоченный ходил, и он мне предъявил такое, значит, указание, что, согласно приговору, я подвергаюсь ссылке бессрочно, и всякое нарушение проживания карается без суда и следствия двадцать лет каторжных работ. Вот я на это подписался и пробыл там четыре года, почти что, пятьдесят первый – пятьдесят четвертый, да. Ну, когда подох наш усатый, конечно, была же амнистия, и мне по амнистии тогда отпустили, причем амнистия касалась только тех, у кого было пять лет. Вот меня коснулась, и меня по амнистии выпустили, вот. А потом уже в пятьдесят шестом году, живя в Клинцах, мне предъявили реабилитацию. И написали, что следователь был такой-то, который расстрелян, вот так мне дали почитать да. И меня реабилитировали в пятьдесят шестом году.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2011